

хоромобе
ОШИБКА

Кластер первый

хонотобе

Ошибка. Кластер первый

«Издательские решения»

хonomobe

Ошибка. Кластер первый / хonomobe — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901133-6

На протяжении миллиардов лет разным цивилизациям являются странные существа, обладающие божественной силой и высшим разумом. Так вышло, что однажды они обращают внимание на Землю. Масштабные сражения, воззрение на жизнь со стороны, космические пейзажи и загадки Древнего. Перед вами дверь в мир книги «Ошибка». Какую же ошибку допустил доппель Дродамах? Иллюстрации автора

ISBN 978-5-44-901133-6

© хonomobe

© Издательские решения

Содержание

Кластер первый	7
Этап 0. Столкнувшиеся миры	7
Этап 1. Вечер (Рассказ от лица Иоанна)	12
Этап 2. Спасение (Далее рассказ от третьего лица)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ошибка Кластер первый

хопомобе

© хопомобе, 2017

ISBN 978-5-4490-1133-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кластер первый

Этап 0. Столкнувшиеся миры

Четырехметровое человекообразное существо со странной вытянутой головой, похожей на многогранный кристалл, в длинной мантии серебристого цвета, стояло на огромном леднике. Плечи этого существа были вытянуты, рукава мантии уперлись в снег, походил он на длинный шкаф. Дродамах. Можно было бы присудить Дродамаху глубокую задумчивость. Голова его, слегка наклоненная вперед, не имела глаз, рта, носа, ушей – лишь простая металлическая гладь, в которой отражалось все величие окружающей ледник снежной равнины. Вакуум создавал впечатление остановленного времени.

Напротив Дродамаха, в ста метрах от него, стояло еще одно существо. Второй был чем-то похож внешне на первого: такая же длинная мантия, такой же рост. Отличалась форма головы: у второго она представляла собой цилиндр из наложенных друг на друга тарелочек, размер которых кверху увеличивался. Фобо.

В темно-темно-синем небе горело мало звезд – самые яркие. Одна из них, ближайшая, яркостью выделялась.

Тарелочки Фобо то сжимались, то растягивались, и его странная голова постоянно меняла форму – он будто дышал, используя голову в качестве легкого. Реально же он не дышал, в том нет необходимости. Между серебристыми тарелочками находилась более темная, растягивающаяся как резина, металлическая плоть, изменяющая размер головы.

Фобо сделал едва ощутимое движение рукой. Это заставило Дродамаха отреагировать, и его тело, не меняя положения в пространстве, оторвалось от земли, начав отдаляться назад с ускорением. Через секунду он преодолел по скорости звук. Через другую вовсе пропал. Между этими моментами можно было различить импульс его ускорения, вытолкнувший Дродамаха из видимой зоны.

Мантия Фобо приподнялась, оголив руки (на каждой пять пальцев). Он напрягся. Резина между тарелочками начала светиться голубым, руки тоже. Странные, белоснежные, отражаю-

щие свет ботинки, по форме напоминающие шутовские, с козырьками (но какими-то очень длинными) прихлопнули по камню. Фобо воспарил.

Дродамах превратился в огненную стрелу и обогнул планету по кругу. Он набрал чудовищную скорость, вернулся к той же местности. Как пуля прорывает ткань, так Дрода прорвал рукой тело Фобо, и после – остановился на прежнем месте, прямо там же, где оставил на снегу следы. Мантия тут же испарилась. От удара средняя часть тела Фобо пропала, а затем по инерции последовала волна: все тело существа расплеснулось и разлетелось, как разлетается дождевая капля от столкновения с чем-то твердым.

Потом произошло что-то неясное: Дрода изогнулся, подпрыгнул, опять набрал скорость и... попал под ответный удар, которого даже не было видно. Тело просто начало пропадать, его что-то разъедало. Потом это «что-то» стало в разы сильнее, и Дроде пришлось резко свернуть влево, сломав свою траекторию полета. Там, где он только что был, разразился всплеск разрушительного излучения, направленного по прямой линии. Из пустоты появилась плазма, начала колебаться на одном месте, будто на нее действовало какое-то магнитное поле. Кольца создали подобие Фобо, и с каждым мгновением остывали, повторяя форму его прежнего образа. Это означало, что сражение только началось.

Дродамах тоже решил кое-что воссоздать – свою мантию. И не только ее. Для начала Дрода отделился от Фобо, потому что радиация того была слишком велика. Когда между существами оказался разрыв в два километра, Дрода счел правильным это пространство заполнить материей.

Фобо, пытаясь догнать временного противника, неожиданно врезался в двухкилометровую глыбу из камня. Дрода невероятно быстро генерировал состоящую из кварков материю, на ходу создавая колоссальных размеров объекты. Это была одна из его особенных способностей. Только он из допделей мог за четверть секунды создать целую планету, а за секунду – звезду.

Но камня оказалось мало – волна излучения Фобо стремительно начала съедать созданную Дродой комету. Фобо управлял радиацией, осколками материи.

И, похоже, радиация стала побеждать. Дродамаху все тяжелее давались убийственного давления волны Фобо, выпускаемые тем семнадцать раз в секунду. Сохранять обычную форму не имело смысла.

Если вы доппель, запомните на всякий случай:

1. Ваше обычное тело состоит из глюонов, образующих связи на подобии нейронов, которые могут подчинять себе остальную материю и управлять ей.
2. Ваше тело стандартно аморфное, и принимает любую форму, какую вы запрограммируете для него.
3. Ваше тело видимо фоточувствительными органами и аппаратами тогда, когда вам этого хочется – глюоны могут удерживать атомы, или отпускать их. Таким образом достигается невидимость.
4. Ваше тело способно иметь диаметр от одного фемтометра до нескольких тысяч километров, а также вникать свойствам любого агрегатного состояния.
5. Ваше тело неуязвимо для ударов атомарными объектами, и взаимодействовать с ними, или нет – по вашему желанию.
6. Ваш мозг – это и есть ваше тело.
7. Ваш мозг – это миллионы личностей и разумов одной мертвой цивилизации, вершиной эволюции которой и являетесь вы.

Дродамах был одним из пяти допделей, которые поставили себе цель: уничтожить абсолютно все. Любые цивилизации в конечном итоге подавляются доппелями, стремления чьи сродни стремлениям Жнецов из Mass Effect, только доппели хотят уничтожить всю мультивсе-

ленную, целиком, со всем содержимым, со всей материей и тем, с чем можно взаимодействовать. На такое поведение этих существ есть множество причин. Но Фобо... другой – не доппель.

Вероятно, присутствие Дродамаха одновременно в разных пространствах на определенном участке времени вызвало небольшой дефект, и его противник из другой, «прилегающей», «виртуальной» вселенной попал в «истинную». Этого Дроде хотелось меньше всего, это была его ошибка: он позволил Фобо из виртуального мира скрестить себя с Фобо из истинного мира. Ожидаемой аннигиляции при переходе не последовало, впервые расчеты Дродамаха оказались не верны – Фобо осуществил точечный переход. Более того, он появился подобным доппелю – тоже состоя из глюонов. Оказывается, даже богоподобные могут делать ошибки. В результате Дрода утратил истинность своего образа и стал Дродагацабхомом. Половина его энергии передалась Фобо – тот разделил его истинность, превратившись в Фобогацабхома. «Га-Ца-Бхом» означало «Разделяющий истинность». А для этой вселенной очень не выгодно присутствие Гацабхомов – действия «половинной» материи слегка искажают причины физических законов, в некоторых местах действия которых подавляются, провоцируя появление инородных частиц. Это усложняет Дродамаху задачу: мало того что ему надо взять Фобо в «глюонный» плен, так еще найти ему антипод и совершить идеальную аннигиляцию Фобогацабхома и анти-Фобо.

Но Фобо сразу предположил, что Дрода будет пытаться осуществить аннигиляцию, поэтому пришелец из другой вселенной намеренно разрушил некоторое количество себя же. Разум тоже пострадал, пришлось пожертвовать.

Дродамах создал вокруг Фобо огромную металлическую структуру, похожую на надутый шарик, нечто вроде ловушки. Потом этот шарик мгновенно сплюснулся, приняв форму блинчика. Фобо попытался разрушить конструкцию изнутри, произведя взрыв излучения, расперший металлический блинчик, и ободок структуры разорвался, выпустив во все стороны радиацию. Второй взрыв был направленного действия, и сделал в центре блинчика дыру. Дрода тут же воссоздал шарик заново, после придал ему форму тора. Фобо избавился от ловушки и замер в ожидании. Наступило недолгое затишье.

Из тора в центр, где находился Фобо, разом устремились сотни лазерных лучей фиолетового оттенка. Слившись, плазма стала формировать новый шар. Тор Дроды тоже устремился к Фобо, растекся вокруг плазменного шара, как вода, и покрыл его; приклеился, как пленка. Дродамах собрался исполнить финальную стадию пленения.

За доппелем сформировалась нейтронная звезда диаметром 5 000 км. Ее свет даже еще не успел достигнуть самого создателя, а она уже начала сжиматься. Целью Дроды было создать небольшую черную дыру, чтобы пленить в ней Гацабхома.

Но Фобо предсказал такое положение дел, всю свою энергию он направил в одну точку, раскрыл саркофаг доппеля, выбрался из него. На спине пришедший из другой вселенной сформировал шесть разного размера бесформенных сопел, как у ракеты. Они вытолкнули и заставили распасться все нейтроны, имеющиеся у Фобо, отправив его к ледяной планете. Фобо врезался в поверхность планеты, поднял пыль и породил кратер. Встав, он обнаружил, что весь лед растаял, а сама поверхность накалилась, так как в небе находилась созданная Дродой черная дыра. И эта дыра собиралась врезаться в планету, чтобы поглотить Гацабхома.

Фобо наблюдал за приближающейся тьмой, поглощающей даже те тусклые лучи ближайшей звезды, от которых небо было не совсем черное. Но сдаваться он не планировал. Пусть Дрода и сильнейший доппель, даже он не станет помехой для Фобо. Странником овладело некое странное чувство. Он превратил свою руку в сопло и направил на черную дыру...

Рукав мантии Фобо растянулся, показав его лишенную пальцев руку, похожую на дудкообразное дуло старого пистолета, с круглой впадиной. Зачем Фобо сделал это – было неясно, так как черная дыра начала засасывать все вокруг, в том числе его тело. Миг понадобился

Гацабхому, чтобы понять устройство черной дыры – с подобными сферами он встречался в своей вселенной. Там он называл их «умелой смолой».

Дрода наблюдал, как Фобо позволяет черной дыре засасывать себя. У доппеля имелось предположение, что путешественник между мирами ничего не знал о физических свойствах черных дыр, и вообще ничего не знал, но... было одно «но»: Чтобы материализовать себя в чужой вселенной, при этом на уровне размеров, мать его, Дроды, а ля 1:1, пришлось бы волея-неволей произвести нехитрый расчет аркадоб через Призму Номы, хотя бы как это делают лейгиды. Всего-то ничего, если не брать во внимание, что лейгиды создавали Призму чуть меньше полумиллиона лет, совершенствовались аркадобы шесть тысяч лет и ДВА МИЛЛИАРДА ЛЕТ пытались аркадобы через Призму провести. Чего здесь стоит математика с философией, растущие у людей каких-то две тысячи лет, позволяющие им в спорах что-то усиленно доказывать?

Сам-то Дрода был значительно старше, чем все эти эволюции технологий ваеров, но его совсем не радовали способности новоприбывшего. Доппель решил добавить черной дыре больше тяговой мощности: по его решению вокруг провала образовалось темное, искажающее близ себя свет, кольцо. То есть одну черную дыру облепила вторая (другой формы). Появилась интересная световая иллюзия: наружная черная дыра не скрывала яркий ореол внутренней, была в каком-то смысле прозрачной, но ободок подавлял свечение, и там наличие тьмы не уступало своей мрачности центру. Этот вид черной дыры лейгиды называют Пропастью Доппелей – ее можно создать только искусственно, и в нашей вселенной образовавшихся естественным путем таких нет. Несложно догадаться, чтобы совместить две черных дыры в таком необычном стиле, нужно много энергии (подразумевая под этим почти бесконечное количество действующих при температуре в квадрильоны градусов частиц) – требуется энергии куда больше, чем в десяти черных дырах, даже раздраконенных. Если бы какой-то человек на «безопасном корабле» пролетал вплотную к нейтронной звезде, то уже тогда бы с трудом представлял себе эту чудовищную энергию, заключенную в таком небольшом, по меркам космоса, сфероиде. Что же сказать, в таком случае, о Пропasti Доппелей, на создание которой ушла энергия тысячи нейтронных звезд?..

Подавление «иновселенца» прошло гладко – Пропасть Доппелей заодно затянула в себя и ближайшую звезду. Не затягивало самого Дроду по причине свойств материи, из которой он состоял. Но добавь он в «чернодырный бульон» еще несколько темных слоев, затянуло бы и его. А это чревато для привратника последствиями – пришлось бы до-о-олго выбираться из ямы – ждать, пока излучение Хокинга не изведет ее до стадии превращения в дегра-нейтронную звезду. Теперь стоит проверить: убило ли странника оружие доппеля?

Дрода, разумом управляя несколькими глюонными механизмами, ослабил черную дыру, приблизился к ней, замер в ожидании. Так продолжалось (по земным меркам) двадцать семь с половиной лет. Двадцать семь гребанных лет Дрода просто ждал инородных шевелений материи в радиусе двадцати парсек. Инородных шевелений никаких не было – горел рядом остаточный одинокий то ли карлик с гиперактивностью ребенка, то ли пульсар с аритмией, то ли хрен его знает что еще. Но ни внутри, ни снаружи сего псевдо-пульсара ничего интересного не происходило, опять же, только двадцать семь лет. Потом произошло.

Псевдо-пульсар пропал. Продавец пизанской пиццы отправился восвояси? Нет, двести ваеров так не думают. А они присутствовали на мероприятии. Тихонечко наблюдали. Дрода об этом знал. Каждый затих, никто не хотел танцевать на балу, никто не разучивал движения. Старания дилетантов вроде Фобо не приветствовались Дродой, все это понимали. Исключение из правил состояло в том, что Фобо экспромтом выучил новый танец.

Дрода почувствовал, что кто-то появился за его спиной. Если Фобо не начнет говорить первым, диалог отменяется. Фобо решил заговорить: он послал повернувшемуся Дроде две светящиеся живые крупинки, очень похожие на светлячков – красную и оранжевую. Потом послал зеленую. Через секунду отправил еще две – красную и синюю. Дрода сразу понял

вопрос, спрашиваемый Фобо: «Сначала в вашей вселенной путем эволюции появилось два сверхразумных всемогущих существа, потом еще одно, потом еще два, так?»

Дополнительно две вылетевшие крупинки (голубая и лиловая) подтвердили опасения Дродамаха: выходит, Фобо знает, каким образом протекала эволюция разума и всего разумного в этой вселенной. И, видимо, Фобо задавал вопросы – значит, он не до конца знает об этом мире, проверяет свои предположения.

Цвета крупинки в понимании странника соответствовали особому типу существ, выделяемых, наверное, в каждом месте, где он бывал. В данном случае считать высшими следовало допделей – больше некого. Первые две крупинки, по мнению Дрода, символизировали двух первых допделей – древнейших существ в этой вселенной, а именно – Дроду и Хахвира. Третий, зеленый светлячок, символизировал Дрориона, третьего допделя. Четвертый и пятый – Истмаха и Цахицу. Затем появилось еще две крупинки – Ханатан и Хонэ, и еще две – Флуон и Планетон.

Крупинки пропали. Наступил самый интересный момент. Пауза. Она многое означала для обеих сторон конфликта. Во-первых, перечисление закончилось.

Дрода решил не вслепую воспринимать информацию собеседника, а попытался предугадать, какого цвета будет следующий светлячок. Если следующий будет красный, значит, Фобо спрашивает: «Первым и древнейшим допделем был случайно не ты, Дрода?» Если светляк окажется фиолетовым, Фобо поинтересуется: «У вас есть еще один допдель, вероятно, замыкающий, да?» И, напоследок, существует последний логически верный знак – это появление всех девяти светляков. Так Фобо проявит желание сотрудничать.

Фобо выдал то, чего Дрода ожидал больше всего – появился один красный светляк. Как же Дродамаху ответить? Если он пошлет идентичного фобовому красного светлячка, это будет означать: «Да, я первый древнейший допдель. Первое сильнейшее и разумнейшее существо». Но разумнейшее существо, вероятно, не стало бы отвечать так прямолинейно.

Дрода никак не ответил на символы странника и продолжал немо ждать. Фобо отправил еще одного красного светляка, и на этот раз тот полетел как бы вверх, выше уровня, на котором находились разговаривающие. Это означало сильную уверенность Фобо в том, что Дрода – первое высшее существо. А сейчас, если Фобо атакует, значит, он хочет пленить Дроду для чего-то.

Волна радиации расплескалась по ближайшим трехмерным окрестностям. В этот раз ее сила далеко превысила барьер энергетической вместимости расходящейся структуры – все щиты ваеров лопнули, все ваеры были мгновенно уничтожены. Фобо выместил всю энергию, содержащуюся в Пропasti Допделей, которую создавал Дрода. Странник еще вначале понял, что самого Дроду таким не убить, но слово свое этим сказал: «Обойдемся без посторонних ушей».

После невидимого взрыва Фобо воссоздал возле себя клон Древнего, чем вообще шокировал Дроду. «Значит, он и об этом знает» – подумал допдель.

Дрода снова создал Пропасть Допделей. С самой смехотворной эффективностью. Она не успела просуществовать более четырех секунд – так быстро Фобо сжал ее и подавил в своем пульсирующем теле.

«Ты проиграл» – сказал странник созданием черной дыры с пятью слоями. Такая имела шансы притянуть к себе даже глюоны.

Этап 1. Вечер (Рассказ от лица Иоанна)

Был холодный вечер. Низкие тучи тяжело тянулись по небу, высвобождая комки мокрого снега. Я, как обычно, сидел дома, утешая себя чашечкой кофе с молоком. Кофейных зерен дома у меня хоть отбавляй, можно даже выставить их на продажу, но к этому я не проявлял особый интерес, задумавшись на секунду. Можно сказать, такая погода в какой-то мере нравилась мне, создавала странную картину мистики и особого «теплого», но мрачного волшебства. Ни о чем думать не хотелось, я смотрел в камин на цедившееся через решетку пламя. Работы у меня на ближайшие пять дней не намечалось – отпуск.

Я работал по сменам на литейном заводе. А еще я был высокопоставленным лицом – заместителем директора. Надо же перед кем-то похвастаться. Как говорят в наше время – «без бумажки ты букашка», а у меня бумажка была, чем я не мог не гордиться. Как удачно сложилась жизнь. Знаете, мне даже жалко смотреть на людей, у которых «бумажки» нет, которым сейчас приходится держать в руках огромную титановую ложку, лить ею раскаленное железо, вместо того чтобы беззаботно сидеть где-нибудь в офисе, легкою рукой отдавая приказания. Хотя, какое мне дело до тех людей? Они сами сделали себе такой приговор, пусть теперь вкушают плоды юношеской учебы.

Форточка от сильного порыва ветра распахнулась. Я немного вздрогнул, но резко направился ее закрыть. Я жил в обычном доме на окраине, не в квартире, и вообще считаю, что в городе очень плохой воздух из-за кучи иномарок. Только я закрыл форточку, как в дверь постучали.

– Кто? – может я спросил немного грубо, но кто же мог постучаться в такую темень? В округе друзей у меня не было, соседи ни разу не навевывались. Разве что это какой-нибудь почтальон?

– Простите меня, конечно, мой друг, но мне некуда идти. Не позволите ли вы войти в ваш дом?

Точно, это какой-то попрошайка – таких полным полно шастает по загородным улицам.

– Иди, других ищи, – в этот раз уже грозно сказал я.

– Но у меня есть информация по поводу вашего литейного завода, – ответил незнакомец за дверью.

Эти слова меня немного напугали – вдруг этот «кто-то» пришел с запиской от директора и важными сведениями, а я так грубо ответил ему? Но почему тогда директор не позвонил мне по телефону, или информация настолько уж секретная?

– Как говорится, стучите и вам откроют. Так почему же вы не открываете? – возмущался человек за дверью.

– Кто вы? – спросил я.

– Кто я?! Поскорее отмыкайте ваши два замка.

Почему странный человек даже знает, на сколько замков я закрываю дверь? Голос его был ну вообще не знаком мне. Может это покажется и бредовым, но у меня в тот момент сложилось впечатление, что это какой-то надзиратель из высших органов власти, знающий наизусть каждый дом в городе, который пришел по делу насчет завода. Я открыл дверь. Передо мной стоял в порванной длинной белой рубашке мужчина лет двадцати двух с выпученными глазами. Какая была моя первая реакция на это? К чертям захлопнуть дверь! Что за бред?! Такое ощущение, будто этот паренек участвовал в боевых действиях! Рубаха его измялась, руки дрожали. Хотя постойте, в километрах пяти от города находится старая психиатрическая лечебница. Вот тут мне стало не до шуток, когда мои новые подозрения захлестнули голову. Шутить с ним, получается, плохо. Я попытался медленно закрыть дверь, чтоб резко замкнуть ее, но этот прихожанин ногой затормозил все мои попытки. Так, нужно собраться и не панико-

вать – известно, что паника на буйных больных действует весьма не радостно и благоприятно. Затем мужчина зашел в мой дом и присел на ближайшее кресло. Мой шок заменился построением плана. Я думал, что буду делать. Еще одно, что мне было не понятно, так это почему он знает о том, что я работаю на заводе?

– Давайте начнем с самого начала. Я бы сейчас не отказался от кружки вашего прекрасного кофе, которого у вас, я скажу, порядком многовато.

Откуда он знает о кофе?! А-а-а!.. Этот парень всерьез начинает пугать меня! Тем не менее, кофе я решил приготовить.

– Вы наверняка в шоке от моего прихода. Я всегда прихожу неожиданно – такая у меня природа. Ваши догадки правильны, я действительно пришел оттуда, откуда вы подумали. Но это вынужденный приход. Может он никак не вписывается в вашу жизнь... Да мне с трудом верится, что и мое существование может как-то вписываться в целом.

– Какое вы будете? – спросил я специально, чтоб сходить на кухню, – капучино или эспрессо?

– Латте не найдется?

– Сейчас посмотрю, – еле произвел мой рот, и я мигом ринулся на долгожданную кухню к столешнице. Так, что у нас тут есть? Нож, вилки, плоскогубцы, молоток... Нет, я не убийца! Но как решить ситуацию по-другому? Нужно тогда, чтобы он потерял сознание, но в злополучной аптечке у меня не было снотворного. Я же о нем ничего не знаю, кроме вывода, о его прежнем местоположении, созданного на моих догадках.

– Вот можно просто взять и сделать кофе, а не копошиться в инструментах? – раздался голос из гостиной.

Разве это может быть просто случайностью и всего лишь его догадкой? Сначала он сказал о моем заводе, потом угадал количество засовов на двери, теперь же знает мои действия, притом не наблюдая за мной, или мне так кажется? Или он наблюдал за мной с давних пор? Следил? Зачем?

– Точно не для того, чтобы убить, – снова раздался голос из гостиной.

У меня поехала крыша. Уж не знал, во что верить и на какие сведенья надеяться, во-первых, потому что сведений-то никаких не было. Я человек скептический, во всяких предсказателей, привидений и пришельцев не верю – все это бред, что показывают по телевизору, забивая людям мозги. Но данный юноша доказывал мне обратное. Пытаясь найти хоть какие-то связки, пусть даже бредовые, я пришел к мнению, что этот парень экстрасенс. Опять же несоответствие – разве экстрасенсы сидят в больницах для умалишенных? Что ж, тут мне ничего не оставалось делать, без всяких «кроме» и «как», просто ничего не оставалось делать. Ой, что я делаю? Зачем я лью кофе в урну?

– Время пришло, если оно существует, – начал мой странный собеседник, слова которого я не совсем понял, но продолжал слушать во избежание чего недоброго, – дело в том... – неожиданно он запнулся.

– В ч-чем? – промямлил я.

– В том, что я даже не знаю с чего начать, чтобы результат был лучше некуда! Но все же надо же с чего-то начать, а то, не кажется ли вам, что с немым неинтересно разговаривать? Ох, даже не знаю, кому из нас эти слова подходят лучше всего.

Я молчал.

– О, вы даете слово мне? Прекрасно. Начнем, пожалуй, с моего действия. Оно и вам многое объяснит, и я буду чувствовать себя комфортней в этом доме, ведь вы, вижу, не сильно рады моему приходу, раз к столешнице за молотком бежите.

Я продолжал молчать.

– Кхм... Эм-кхе-кхем... Итак... Сижу я, в общем, в белой-белой комнате. Как думаете, за какую комнату я начал говорить? Не смейте молчать!

– В-в ле-ч-ч-еб-нице имени Зи-г-мун...

– Причем тут Фрейд?! Сейчас я говорил о комнате, в которой находился вместе с богом – она белая такая, там ничего нет, почти. Вы, надеюсь, верите в бога? Нет? Почему же так?

Он читал мои мысли, я продолжал молчать, наверное, из-за некоего отупения от ситуации. Больной экстрасенс – лучшее объяснение.

– Не-е-ет! Что у вас за мысли такие дурацкие? Впрочем, я столько людей встречал, и, представьте себе, столько дурацких мыслей видел, что аж в голове не укладывается!

– Ч-что вам надо от меня? – спросил я, так как во мне, наверное, в отличие от этого экстрасенса остались какие-то инстинкты самосохранения, контроля тела, инстинкты животного, в общем, зверя.

– Скажите, вы умеете думать? Или хотите узнать все сразу? Не-е-е, сразу все узнать не получится. Вы что, даже не сделали вывод, что если я заперся к вам в дом, то это мне надо для того, чтобы быть пока что в этом доме? Ах да, вы спросите – «для чего»? На все есть причина. Есть причина даже на то, почему вам знать, из-за чего я попал именно в этот дом, пока что не нужно. Но уверен, если вы сохраните свой интерес даже после того, как я уйду, то вы получите ответ. Не сомневайтесь, я покину ваш дом, забрав из него лишь маленькую порцию кислорода и немного одежды. Взамен дам углекислый газ. Углекислым газом, думаете, нельзя дышать? Углекислый газ будут вдыхать ваши растения, давая кислород вам. Так что мой углекислый газ, несомненно, поможет вам, но только в будущем. Не ждите резкого результата – ничто быстро не вырастает, за исключением бамбука. Да и бамбук плодов никаких не имеет. О, я только что такую крутую речь толкнул, что сейчас ее осознаю и в шоке прямо, – парень улыбнулся.

Меня охватили какие-то сомнения, возможно нелепые. Я подумал: – а что, если передо мной вовсе не умалишенный бедолага, сбежавший из психиатрической клиники имени З. Фрейда?

Логика снова начала кричать во мне – изодранная длинная пижама, резкое вторжение в чужое пространство и нарушение моего обычного состояния... Не трудно догадаться, что пижама его порвалась из-за того, что он перелез через забор с колючей проволокой, зеленые пятна на пижаме свидетельствовали о падении в высокую траву, а именно – камыши. В некоторых местах рубашка не успела высохнуть. Я находил подтверждение своим догадкам – я и сам часто ходил возле больницы, прогуливался на воздухе, знал, что возле высокого забора есть болото.

– У вас отличная логика, – продолжал парень, – вы только что столько правильных догадок сделали, что, кажется мне, вам надо быть вторым Шерлоком Холмсом. Все очень логично, вдобавок к тому, вы многое додумываете интуицией. Чтобы ответить на вопросы, вы включили мозг полностью – и левое логическое, и правое творческое полушарие. Весь ваш мозг работал, вы создали, будто равновесие. Не зря я вторгся именно в ваш дом. Ха-ха, мне повезло с вами, мой дорогой флегматичный друг. Холерик наделал бы бед – и себя бы убил, и меня. Меланхолик разревелся бы. С сангвиником, думаю, у меня получилось бы прийти к согласию очень быстро, и он очень быстро бы понял, что мне можно доверять. Но более всех меня волновал именно ваш темперамент – самый устойчивый из остальных, самый простой, и самый загадочный. Вы в сомнениях – вы до сих пор наполовину доверяете мне, наполовину не доверяете. Эта неопределенность – для меня, как бензин для машины! Меня поражает врожденный вашим темпераментом пофигизм! От радости, я будто забыл, кто есть на самом деле, и мне хочется, чтобы этот момент длился вечно! Я, как пятилетний ребенок, которому подали новую игрушку! Все эти темпераменты очень похожи на четыре первых бозона, вам так не кажется?

Наступила минута тишины. Он смотрел на камин. Я начал немного ориентироваться в ситуации, будто привык к нему, его присутствию. Я решил сделать несколько самостоятельных шагов.

– Как вас зовут? – может мой вопрос не вписывался, но все же, по-моему, этот стандартный вопрос можно задать любому в любое время, если не задавали его раньше.

– Как думаете, что я отвечу? Вариантов немного: первый – я скажу свое имя; второй – я скажу, что у меня нет имени; третий – я откажусь отвечать вовсе. Самое интересное, что ни один из этих вариантов ничего вам не даст. Хотя, если я скажу вам свое имя, вы, если вдруг захотите обратиться в полицию, сможете дать им всю информацию, которую узнаете как раз от меня. Я скажу, что у меня нет имени. Но вы подумаете – Правду ли сказал этот человек? Ведь для чего-то он распинаятся передо мной уже как полчаса. В таком случае, я вовсе могу отказаться отвечать, сказав «не скажу». В любом случае мне придется сделать выбор.

– Да откуда я знаю, кто вы такой? Почему вы пришли именно ко мне? Почему вторглись именно в мой дом?

– На это должна быть вполне разумная причина, которая все разъяснит и поставит на место, так ведь? Но что, если такой причины нет? Что, если ожидаемая вами логика просто не будет существовать? В мире все логично, не так ли? Но есть одно «но» – думать, что все логично – это тоже такая же одна точка зрения, как и другие. Вы пеняете на тех людей, которые не имеют достойной бумажки об образовании, которые с большой ложкой льют железо, или работают в шахте, или дворником. Вы пеняете на эти профессии, а ведь они очень важны! Кто будет подметать, добывать минералы, лить железо? Богатые крестьяне? Нет. И ответ, что все равно кто-то на эту профессию да и найдется – не ответ, ведь обычно на такие работы нужно много людей, очень много, людей, которых нельзя называть «кто-то». Как бы мне ни нравилась неопределенность, она не может быть вечной опорой. Ладно, много хорошего и умного не бывает, от множества конфет становится приторно, поэтому хватит. У вас не найдется мне какой-нибудь футболки и штанов? Мне нужна только футболка и штаны. Завтра деньги за них верну. Меня устроят даже те поношенные штаны с майкой, которые лежат на второй полке шкафа в спальне – эти вещи вроде чистые, да и вам не особо нужны.

Я встал и принес одежду, о которой он говорил. Ему даже не приходилось заглядывать за стену, чтобы узнать, что за ней находится, поразительно! Сейчас до меня что-то стало доходить, что-то невероятное!

Когда парень пошел в ванную переодеваться, у меня не возникло желания звонить в полицию, хвататься за молоток. После смены одежды он попросил у меня пинцет и ножницы – хотел вытащить колючки из ног, которые получил во время падения в болото.

– Чего ж ты оттуда сбежал? – мое настроение улучшилось.

– Оттуда, это откуда? – спросил парень в ответ.

– Ну... Из больницы?

– Я сбежал не из больницы, я сбежал от безумия. Представьте, получилось. Оно потом гналось за мной какую-то дорогу, но я пересилил его.

– Как же это у тебя получилось?

– Как нужно было, так и произошло. Нужно было вовсе не мне, вселенной. От себя скажу лишь, что мое безумие решило придумать умный план по побегу от самого себя. Мое безумие, представьте себе, обезумело. Ладно, уже поздно. Мне, пожалуй, надо идти.

– Так вы только что сказали, что уже поздно.

– Вы хотите, чтоб я остался у вас на ночь? Нет, извините, но не запутывайте себя так больше. Мне надо идти, чего вы сами хотели все это время. Я отдам вам деньги за одежду. Завтра у вас еще один выходной. Я подойду к вам, хотя вижу даже, что вы подойдете ко мне.

Парень свернул в руку длинную рубашку из больницы, улыбнулся, поклонился мне, и покинул дом. Я вышел во двор закрыть ворота, сделав маленький вдох приятного летнего

ночного воздуха. Такое ощущение, что это был сон. Я без каких либо колебаний лег спать, чтобы сей сон продолжить. Его последние слова не понял. Кто же он такой?

Вот и наступил новый день. Я поднялся, и первой моей мыслью было желание сходить в полицейский участок, все рассказать там полиции о странном человеке, который приходил ко мне ночью. Я оделся, отправился в участок. Иду, и тут ни с того, ни с сего, вижу этого самого паренька возле старого дерева – он спокойно стоял, улыбаясь, глядя на меня.

– Эх, говорил же, что не я к вам приду, а вы ко мне. Вот ваши деньги, милый человек, а теперь разворачиваемся и мерной походкой домой. Вам еще отдыхать четыре дня до работы.

«Опять удивил меня» – подумал я, и прямо по его словам мерной походкой пошел домой. На развилке я остановился, обратился к нему в последний раз, но он начал первый:

– Вы хотите спросить – «зачем»? Ну, что ж, вижу, вы хорошо выспались, раз забыли все мои слова, которые я говорил вам этой ночью. Я пришел с важной миссией на эту планету, друг мой, очень важной миссией. Не подумайте так дословно, не примите меня за инопланетянина, хотя следовало бы, но я не настолько пафосен, как вам кажется. В конце концов, каждый из нас приходит на эту планету с важной миссией, но мое задание несколько иное, чем у других. Мир давно не менялся, и поэтому новому поколению уже успел надоесть. Мир гниет – это мне больше всего не нравится. Но иногда я сам задумываюсь – а почему помогаю ему? Мне самому многое не нравится, меня многое достало, придется все менять, все переделывать, весь устроить. Не знаю, может быть принесенный мной абсолютизм будет не принят, из-за того что нельзя заставить каждого чихать в тряпочку, не перебивать друг друга при разговоре, но, как оказалось, по моим теоретическим выводам и экспериментам, это можно сделать. Да, можно переделать мозг, понятие о мироустройстве. Почему же это так необходимо? От понятия мироустройства зависит любое поведение, ведь мировоззрение – это особенное существо. Я вижу нужным изменить его, и пусть я выступаю от лица такого маленького муравья, который, кажется, и ничего сделать не может, но именно это и делает мою работу скрытой, не замечаемой громадным пространством, именно это поможет мне. Собственно, сейчас я открыл вам все свои карты. У меня нет какого-то наигранного плана, нет даже четкой цели, каких-то определенных критериев, которые необходимо достигнуть. У меня есть простая цель улучшить мир. И пусть это так же понятно, как то, что свет дает возможность видеть человеку все вокруг, однако человек до конца никогда не поймет, как свет выглядит по-настоящему, также как и тьма. Невозможно увидеть то, что итак видно, нельзя начать шупать то, что уже шупаешь, поэтому какими бы не обладали ученые знаниями о свете, эти знания вечно будут не совершенны. Да и слово «совершенство» относительное, подходит только под определенные моменты. Думаю, с этих слов начнется новая дорога.

Я не переставал дивиться словам этого парня, они были такие острые и так хорошо терзали привычное положение вещей, будто пришел мессия со своей задачей, чтобы задачу эту выполнить.

– Что же ты собираешься сделать? Стать президентом?

– Нет, я собираюсь сделать нечто. Сделать то, что есть, и чего нельзя увидеть, почувствовать, как восьмой цвет радуги, полностью непохожий на все остальные цвета, которого якобы нет, но который можно представить, в воображении раскрасив им какой-нибудь объект, например шкаф. Однажды ко мне пришло это унылое понимание того, что законы физики, а точнее мироустройства, нельзя изменить. Но после этого я не стал отчаиваться и понял, что любая вещь состоит из вещества. Если у кого-то будет инструмент, которым можно будет разбить вещь на вещество, то из этого вещества можно будет создать нечто новое. Уж этому закону подчинено все вокруг, но даже его можно разбить таким же принципом. Представьте, что бы было, если бы гравитация во всей вселенной резко пропала из-за инструмента, сделанного человечеством, невероятного аппарата, способного «разбивать вещь на вещество», даже если эта вещь

неделимая или нематериальная, как чувства человека – печаль, радость, любовь. Представьте, что с помощью этого аппарата можно было бы полностью удалять какой-либо цвет из вселенной, чтобы его не было видно ни в каком месте пространства. Роза красная, Марс красный, а тут вдруг и Марс и розы становятся белыми – все красное становится белым, а белое остается самим собой. Так мы полностью вычеркиваем алый цвет из радуги, из диапазона цветовой волны, меняя структуру глюона, притом не меняя структуры нашего глаза, палочек с колбочками в нем. Но тут вдруг мы неожиданно вспоминаем действительность и говорим – «Нет, невозможно сделать такой инструмент», ибо понимаем насущное мироустройство, понимаем, что его нельзя изменить. Я не верю в это, не верю в то, что нельзя что-то изменить, так как изменить можно все. Как гончар изменяет форму глины, превращая ее в горшок, так же можно изменить саму глину, превратив ее в кирпич. Мир невероятно огромен, он – это есть все, что мы знаем, поэтому невозможно не уделять ему время. Используя уже имеющиеся знания, мы можем построить логическую цепь, гласящую, как можно сделать так, чтоб все красное стало белым, создать инструмент, и этим инструментом добиться желаемого. Все что нас будет сдерживать – это узкий кругозор и воображение, без которого не станет в нас ни желания менять, ни желания меняться. Что ж, мне уже надо идти, я чувствую то место, то заведение, в которое мне нужно немедленно отправиться. Спасибо вам за всю мороку.

– Нет-нет, я... ничего такого не сделал, а...

– Не знаю, что вы сделали, и чего нет, но я ценю доброту. Доброту легче всего передать спокойствием. Мне очень приятно воспринимать от вас спокойствие. Желаю вам всего хорошего, мой новый друг. Включите сегодня телевизор ровно в 18:00, первый канал. Я намерен показать вам методы, с помощью которых буду играть с миром!

Включить телевизор? В шесть часов вечера? Первый канал? Что он задумал?! Мне стало интересно. С нетерпением буду ждать, что он там приготовит, если его, конечно, пустят на телевидение.

Все-таки пустили. Я был в шоке, как всегда. Повседневные новости отложили на час по причине показа нового социального шоу. Я просто смотрел в экран, смотрел, как баран на новые ворота, ворота будущего. Никогда бы не подумал...

– Итак, здравствуйте, дамы и господа, это социальное шоу «Народная правда», и сегодня наш первый выпуск, поэтому в студии вы можете заметить много таких очень важных, как я бы сказал, особ, людей правды, патриотов своей страны, которые заинтересованы полезной деятельностью, развитием страны, которым не безразлична судьба-судьбинushка державы нашей, и которые будут принимать участие в жизни нашего государства...

– Ну, пожалуй, перебыю своего коллегу, так как участие в жизни нашего государства мы уже принимаем, и да, нам далеко не безразлична судьба нашей страны...

– Да-да-да, я об этом и говорю, спасибо за уточнение. Мой коллега уже с вот таким упорством рвется в бой, и все не терпится ему узнать, о чем же это ток-шоу, как, надеюсь, и вам, господа мои. А у нас сегодня куча работы, о многом с вами мы должны поговорить, многое обсудить, на многое посмотреть правым глазом. Для начала обратите внимание, пожалуйста, на нашу студию, на эти радостные румяные лица, на эти живые картины Диего Веласкеса. Да какие же тут у нас улыбки, ай-ай-ай, давайте все вместе пригласим и встретим наших глубокоуважаемых гостей в студии. Заходим друзья, заходим, не стесняемся, у нас здесь все свои, и каждому будет уделено огромное внимание.

После того, как все зашли (в том числе и странный паренек), ведущий усадил удальцов, начал по программе:

– О чем же сегодня будет наш разговор? Какие аспекты общества мы будем критиковать? Что обсуждать? Давайте же без этих высокопарных слов возьмем искон нашему обсуждению.

Тут мой паренек достает откуда-то связку книг и говорит:

– Так давайте же начнем. Я так понял, это у нас шоу общественное, а потому хочу показать вам кое-что. Пожалуйста, не перебивайте меня, это займет буквально минуту. Итак, что вы видите в этой связке?

– Прошу прощения, но вы перебили меня. Давайте соблюдать... – начал было ведущий отвечать, но мой мессия снова перебил его:

– Я просто задал маленький вопрос, неужели на него так тяжело ответить? Неужели никто не может сказать, что в этой связке находятся книги? А теперь давайте посмотрим на них. Хотя бы обложечку, ну! Что, никто не хочет посмотреть эту гнилую обложку?!

Зрителей охватило раздражение, да и ведущий насторожился – показал жестом охраннику, чтобы тот подошел.

– Вы издеваетесь? – отреагировал паренек на приближение охраны, – Зачем стража? Это социальное шоу, а у меня важный доклад, и не посмеет ни одна душа выгнать меня отсюда, пока я его вам не озвучу и не покажу!

А охранник, в меру осознав, что мой мессия – нарушитель порядка, отправился выдворить его из студии.

– Пройдемте, гражданин.

– Никакой я не гражданин! У меня даже паспорта нет.

Охранник начал натиском выпихивать паренька из зала.

– Видите, какое классное шоу получается! Вы даже камеру забыли выключить, а вас сейчас вся страна смотрит. За меня не волнуйтесь, я-то не опозорюсь! Что мне, одному единственному человеку с этого будет? А я вам, кстати, рейтинги поднял! Отныне это шоу, если тут такой дебош еще будет случаться, смотреть будут, не отрываясь от телевизора! Главное – неожиданность!

Охранник, кое-как выпихав парня, скрылся вместе с ним. Через восемь секунд оба опять зашли в студию, вернулись на свои места.

– Ну что, – мессия мой говорит, – шоу продолжаем?

– Что за!... – ведущего охватило негодование. – Почему вы?!.

– Конечно продолжаем! Камера-то еще работает, оператор снимает! Зачем же интерес такой прерывать? Ладно, давайте к делу. Возвращаемся к вопросу: что у меня в связке?

Ведущий с непониманием глядел на охранника, дрыгая головой и приподнимая левое нижнее веко, разводя в придачу к тому руками. Охранник стоял и улыбался, спрятав руки в карманы, а парень говорил:

– Дамы и господа, это я ведущий! Простите за заблуждение, в которое мы вас ввели. А мы уже натурально начинаем наше вот такое вот шоу, где случается абсолютно все! Сядьте, пожалуйста, в очередной раз приносим свои извинения.

Да, он такое представление показал, что шоу это определенно бы во всем мире смотрели. А я все сижу и думаю – вправду ли он ведущим был изначально, или каким-то образом сумел загипнотизировать охранника? Но опять же, там должны быть еще другие охранники – они-то точно бы задержали его, чего не произошло. Вообще этот мужчина меня всегда поражал! Как он за день нашел деньги, чтобы съездить в столицу, ведь у него же не было ни гроша? Он просил у меня одежду, откуда у него деньги? Да и до столицы он так быстро добрался, будто на самолете летел, или... на ракете?

– Почему же? На велосипеде, – голос из телевизора.

– Это вы к чему? – судорожно поправляя рубашку, спросил ведущий.

– А ни к чему, – улыбался паренек.

У меня аж дрожь по телу прошла. Теперь я окончательно начал думать, что он сильнейший экстрасенс во всем мире.

– Не заблуждайтесь, – опять голос из телевизора. – А если я вас всех ввел в заблуждение, то извиняйте, с этим помочь не могу. Знаете, в шахматах вещь такая есть, «цугцванг» называ-

ется. Это когда выхода у вас нет благополучного. Ничего, я выход вам благополучный открою. Давайте просто следовать логике шоу. Смотрим на мою связку и говорим, что в ней лежит. Ага, книги, хорошо. Теперь смотрим, что это за книги, – Достает первую книгу, – давайте побудем сейчас немного критиками и хорошо раскритикуем эту книжку. Я извиняюсь, но они меня просто достали. Читаем: «Пуля в голове», криминальный роман, писателя имя говорить не буду. Самое главное – обложка. Я такой обложки отродясь не видывал. Ну как сказать, что она убогая, скорее развратная. Что это за голая баба на ней нарисована? Разве можно такую продукцию выставлять на рынок? Это еще полбеда, давайте сюжет почитаем вкратце, – Переворачивает книгу, читает другую сторону обложки, – Клара приезжает в столицу, чтобы заработать денег. По несчастью, после приезда она обнаруживает, что кошелек украли. Клара остается без денег и приходится стать ей... фу, дальше читать не буду, со второго абзаца начну: Очередной клиент Клары оказался мафиози, тут-то и начинается веселье. Не дай бог кому-нибудь прочесть сей фолиант, извергнутый к нам вулканом прямо из ада. Написанное пером не вырубать топором, но думаю, водородной бомбой вырубать получилось бы, причем довольно быстро. Ну что это? – обращается паренек к первому попавшемуся человеку, – Стали бы вы покупать такую книгу, читать? Нет, о ваших вкусах спорить не буду, но что если эта книжка попадет к вашему ребенку? Если он будет читать ее? А что, как вижу, вы свое детище огородили от планшета, ноутбука, интернета. Это очень даже хорошо, зрение портить не будет. Но как тогда вашему отпрыску развиваться? Надо же ему что-то видеть перед глазами. Вот я и вижу сейчас, как он с вашей полки берет приличную порцию писаний, в надежде, что чтение сделает его умным. А о каком же уме тут будет идти речь, если он зачитает рассказ о мафии?

Ведущий понял, что нужно как-то выбираться из сложившихся обстоятельств, да и слова паренка ему понравились – он их всецело поддерживал, поэтому начал:

– Да, действительно, посмотрите на эту обложку. Куда это годится? А покажите, пожалуйста, следующую книгу, – обращаясь к моему экстрасенсу.

– О-о-о... Тот гримуар еще круче этого. Пожалуйста, смотрите: «Философия бедного философа, а также заметки о Канте». Здесь вообще шикарно написано. Зачитаем же первую страницу: «Как пасечник выискивает своих пчел после обеда, так и я буду выискивать мысль, придавать ей резонансное априорное значение...» Это уже шизофрения. Ни один такое не поймет. Зачем писать и издавать бред? Эту книгу сразу на костер, – парень кинул ее в лампу, висящую на стене, которая лопнула, и книга запылала ярким пламенем, упав на пол. К счастью, пол не деревянный был, с плиткой. А мессия наш продолжает, – Следующая: «Веселая жизнь наркомана Леонида». Да не охватит вас обида, но эту книгу на костер, дабы не приглашать сюда медсестер. – Кинул книгу на горящую. Ведущему приходилось выражать неопишемую радость за то, что вылетевшие из ада книги возвращались обратно, одновременно с этим выражая неопишемый гнев из-за разбитой лампочки. Он зашел за камеру, чтобы никто не видел его искореженного лица. Как же я увидел его? Очень просто – оператор направил на него камеру, когда экстрасенс всея Земли начал расписывать мину ведущего самыми красочными образами.

– Ладно, хватит, думаю. Больше не буду над вами издеваться, – заключил паренек, – все должно быть на своих местах – и лампочка, и голова чья-то, – Вытянул из кармана другую лампочку, вкрутил ее на место прежней, еще и протерев перед этим. – Эти книги – лишь начало. Я хочу рассказать о своей задаче. Ты предпочитаешь скрываться, но я найду тебя – таково желание временного потока. Ты сам знаешь это, знаешь, что мы встретимся, так зачем скрываешься?

Тут ведущий резко начал говорить:

– Настанет время, и ты поймешь.

– Чушь, времени не существует. Ты знаешь, что тебе не победить, потому и скрываешься. Ты знал, что предписано тысячи лет назад, и издеваешься надо мной? Выходи на бой, я жду тебя. Ты должен проиграть, это необходимо.

После этих слов меня охватил какой-то гипнотический сон, сильно захотелось спать, глаза закрывались сами. Так я и проспал, не знаю сколько. Встаю, паренек стоит возле моего дивана, смотрит на меня миловидно.

– Вот и началось.

Странный у него голос стал, глаза будто больше стали.

– О чем ты?.. Как ты успел?.. – я засыпал его вопросами.

– А мне эта планета нравится, действительно хорошая. Такая зеленая и синяя... Такой маленький голубой шарик среди этого хаоса галактик. Неужели я говорю так непонятно?

– Все понятно, но как ты успел оказаться тут? И как ты попал на телевидение? У тебя ведь нет денег на поездку в столицу.

– Скажи мне, кто я такой? – спрашивает он меня.

– Ты? Все время хочу задать тебе этот вопрос.

– Все же, как ты бы назвал меня?

– Человек.

Он усмехнулся.

– Я не человек, друг, не сумасшедший экстрасенс или гипнотизер. Дай же мне достойное определение! На кого я похож, по-твоему?

– На человека, – отвечаю я.

– А так? – он посмотрел мне в глаза, чего еще ни разу не делал. У меня сразу по телу мурашки – взгляд нечеловеческий. Я испугался еще больше, чем когда он вломился в мой дом первый раз.

– Ну что? В этом мире все не совершенно, но стремится к совершенству, от чего приходится страдать временному потоку.

Я только сейчас заметил, что у него стеклянные глаза, – отошел назад. Думаю – все, едет моя крыша.

– Что не так? Это не глаза, это и есть самые настоящие стеклышки, – бьет по глазу пальцем, – дело в том, что нет глаз у меня, а это обманочки такие. Подумайте, как это я буду выглядеть без глаз? Но я вас прекрасно вижу. С каждой секундой все больше вопросов, да? Так и ждете, чтоб я на эти вопросы ответил! Ответ мой такой: не возражаете, если я заберу вас с собой?

Парень пошел в душ. Он мне, как родной, стал. Я тем временем беззаботно смотрел телевизор. По первому каналу шли новости. Тараторили о странном человеке, гипнозом подчинившем ведущего Народной Правды и охранника с оператором. Как говорила ведущая новостей: «Странный инцидент встревожил людей по всей стране – сумасшедший спланировано проник в студию шоу, преследуя непонятную до сих пор цель. Кто он? Органы пообещали разобраться с этим, а некоторые блогеры успели придумать вторгшемуся кличку – Книжник-маньяк...»

Десять часов ночи, уже спать надо.

– Где ж ты спать будешь? У меня второй кровати нет.

– Под кроватью. Сегодня ночью у нас будут гости. Придут они не с благими намерениями. Я хочу испытать на вас свою мюонную защиту, так что будете на койке смирно лежать. Примерно в два часа ночи я вас разбужу, но вы не вскакивайте, дальше смирно лежите.

– Кто придет? От кого защищать?

– А вот увидите, кто. Только не подумайте, что я вас насиловать буду.

Это просто безумие. По телу прошла очередная волна дрожи, даже уши немного заложило.

Я лег на кровать, странный паренек под кровать, будто так и надо. Спустя минуту под кроватью вспыхнуло яркое синее свечение, а я ведь не сплю, все гляжу, как бы нож сквозь простыню мне в сердце ни вошел. Поворачиваюсь, заглядываю за кровать. Он что со своей рукой

сделал? Не понимаю – светится рука, как фосфором набита, хорошо светится, как лампочка пятидесяти ватт, только синего цвета.

– Ну что, красиво? Двенадцать тысяч градусов, так что не трогайте лучше мою руку.

Думаю – «ну все, продырявит сейчас кровать вместе со мной своей плазменной кистью и спета моя песенка». Он точно пришел из иного мира.

– Сколько раз повторял – ничего вам не сделаю. Фантастика, правда? Смотрите, как горит ярко, прямо так же, как и те гнилые книжки, что я в студии спалил.

Потом две минуты молчания, рука потухла.

– Слушай, я не могу заснуть. У меня столько мыслей в голове, – голос из моего рта.

– Знаю. В основном чувствую от вас большой страх, что вполне природно. Конечно, столько лет не знать, не верить, а тут на тебе – все это существует. Все равно заснете, не думайте ни о чем – этого будет достаточно.

– У меня еще один вопрос и все.

– В самом деле все? Тогда озвучьте, пожалуйста.

– Не сплю ли я сейчас? Не сон ли все это? Не сон ли начался тогда, когда в мой дом ворвался сумасшедший?

– Даже так? Что ж, друг мой, если вас навешают такие подозрения, то скажу следующее: Может вы и спите. Может, вас вообще нет в реальности? А представьте себе, что вы живете в подсознании какого-то человека, который читает какую-то странную книгу и на время чтения представляет вас. Потом же ваш образ пропадает, когда этому человеку нужно сходить куда-то, поесть или лечь спать. Представьте, что наш мир живет только тогда, когда кто-то читает книжку, разве это не здорово? Читатель свободно останавливает время, не читая книгу, или двигает его назад, читая задом наперед. С таким учетом того, кто читает книгу, тоже могут читать. Вселенная имеет парадокс – все в ней одинаковое, все повторяемое, и в тот же момент все разное, неповторимое. Используя позитив и негатив, я пытаюсь создать «альтив» – то, что есть, и чего нет. Что существует, но чего нельзя представить. Мне нравится, что у человечества десять цифр, а не двенадцать, как у лейгидов. Хоть чем-то люди отличаются.

– Лейгиды? А кто это?

– Вы постоянно задаете вопросы. Сами увидите. Только не пугайтесь так уж сильно, а то сердце остановится.

Потом опять тишина. Я лежу, спать не собираюсь, зная, что подо мной парень со светящейся рукой, а еще какие-то чудики должны наведаться ни свет ни заря в мой дом, как-то пройдя через закрытую дверь. Тогда в моей голове был хаос. Как можно заметить, я даже уже не так испуганно отреагировал на светящуюся руку.

Не знаю, сколько я так промучился в кровати, которая была уже вся мокрая от пота, но в окне после полуночи весь мой двор залило ярким светом.

– Не спите? – спрашивает меня парень.

– Не сплю, – промямлил я.

– Вот и славно. Шоу-то начинается. Не вставайте.

Тут стена в моей комнате начинает надуваться, будто искажаться, и от нее отделяется шар размером с человека, мгновенно обретающий человеческую форму. Две руки, две ноги, тело, голова... и все плазменное, горящее довольно тускло.

– Это его защита, – говорит парень, – скафандр, по-человечески. Под ним скрывается биологическое тело.

Странный человекообразный пучок плазмы поднимает верхнюю конечность – руку, и направляет на меня. Тут под кроватью опять разгорается синий свет, и вся моя кровать становится, как желе. Из конечности существа вылетает шаровая молния, которая резко пропадает в полуметре от моей кровати. Существо мгновенно летит ко мне, но растворяется возле кровати таким же образом. Парень выкатывается из-под кровати. Обе его руки, ноги и голова

с телом источают синий свет, видимый даже через одежду. Комната пульсирует низкочастотными волнами. Кирпичи за побелкой и обоями начинают трещать. Такое ощущение, что дом вот-вот развалится. Все искажается – стены, потолок, пол. Вещи в доме все поднимаются – телевизор, тумбочки, шкаф, зеркало, стулья, кухонный стул. Гравитация стала, как в космосе – полный ноль.

– Эй, мне встать можно?

– Издеваешься?! – отвечает парень. – Хотя, впрочем, вставай, погляди в окно.

Я встал, оттолкнулся от кровати, подлетел к окну. Вижу, как над моим домом поднимается металлический диск. Да это же летающая тарелка! Ну прям как по липовым каналам показывают – вся ртутного цвета, блестит от ближних фонарей. Но вот лампочек на ней нет – просто как толстый ртутный блинчик. Представьте себе ртутный блинчик, или капельку ртути, которая упала на какую-то поверхность и немного растеклась. Выходит, этот парень прогнал пришельцев, – они покинули нас. Но что им было надо? Я? Жалкий человек?

– А как ты думаешь, мой друг, почему я зашел именно в твой дом? Наверное, это судьба, иначе забрали бы тебя. Но ладно, поведаю тебе свою тайну.

Тут парень обхватывает рукой лицо и начинает снимать с него кожу. В общем, он снял свое лицо.

– Ну что, теперь ты понимаешь, кто я?

Вместо черепа я увидел белую поверхность, металлическую. На ней не было ни глаз, ни рта, ничего, просто голова. Затем он снял кожу с рук – вместо костей – металл. Не понимаю, откуда я слышал его голос – на голове рта-то нету! Видели когда-нибудь белый пластмассовый манекен без лица? Это что-то похожее – идеально гладкая голова с правильными пропорциями без всего лишнего – без волос, лица, ушей, в придачу к тому металлическая. Негодование – такое чувство испытывал я – тот, кому выпало на долю увидеть сей ужас.

– Скорее всего ты никогда не поймешь, кто я, пока я сам не разъясню. Я – форма жизни, такая же как и деревья, птицы, животные, люди, планеты, звезды, только более древняя, чуточку более сложная. Можешь свободно считать меня богом. Я сам ничего не создавал на этой планете, но могу изменять ее, как мне вздумается, то есть я не творец, но обладаю способностью творца. Я сказал, что я не инопланетянин еще потому, что никогда не жил на планетах, а вот пришельцем меня назвать можно, потому что я пришел. Связан мой приход с лейгидами, вашими создателями. Многие люди представляют себе, как выглядят лейгиды по-настоящему. Большие глаза – самая выделительная их черта. Ах, насколько же их глаза красивы – они излучают неиссякаемый поток энергии. Душу человека не сравнить с душой лейгида – их души намного больше, чем человеческие, по составу своему до боли сложные.

Это же настоящая летающая тарелка была! Эти технологии в сотни раз превосходят человеческие! Но я поражаюсь ему – этому странному сумасшедшему, который по-настоящему оказался существом, владеющим силой бога. Вначале все было просто – ну сбежал псих из психушки – с кем не бывает?! Но тут начался полный хаос! Все, что я знал, все знания, даже мое подсознание – все это поменялось! Я стал прямо на лет двадцать моложе! Никогда не интересовался технологиями! Никогда не думал об ином мире. А мне еще на работу через три дня идти...

– Нет, тебе здесь оставаться больше нельзя, – заключило то, что полчаса было пареньком двадцати лет, – Я забираю тебя. Мне еще кое-кого забрать надо. Планы меняются, не будем задерживаться, и завтра с утра отправляемся на противоположную сторону земного шара. На кладбище уже стоит твоя могила, так что волноваться не о чем. Дом будет отдан государству.

– Минутку, а почему ты все решил за меня?

– Хм, странный вопрос. Скажи, а почему люди могут свободно выловить какое-нибудь животное и сдать его в зоопарк или лабораторию для экспериментов? Ты должен был еще сначала понять, что ни твой дом, ни твоя старая машина – все это не твоя собственность.

Люди слишком гордые, думают, что в своем кругу есть какие-то законы с правилами. Мне от этого так смешно. Люди не понимают, что все это лишь присвоено ими. Как людям может принадлежать то, что принадлежит тому, кому принадлежат они? Ты меня совсем не боишься, а по идее, у тебя уже давно должно было остановиться сердце. Знаешь, почему этого не случилось? Потому что я немного поменял твои мозги, создал новые связи между нейронами, и теперь ты можешь говорить со мной. Если бы я ничего не изменил в тебе, ты начал бы орать, или, что еще хуже, умер от сердечного приступа. Человек имеет довольно хрупкое тело. А ты думаешь – «почему это я чувствую, что помолодел, скинул двадцать лет?» Ты очень интересный человек. Я увидел это сразу. Ты не потерял пластичности мозга, то есть в душе ты остался ребенком. Это объясняет твою текучесть и туповатость. Ты и семью не захотел заводить. Поэтому лейгиды хотели рассмотреть тебя, как образец, но я обогнал их. Выходит, Зорак проиграет.

– Кто такой Зорак? – спрашиваю я.

– Все узнаешь. Как тебя зовут?

– Иоанн-н-н.

– Очень приятно, Иоанн-н-н. У меня, как ни странно, тоже имя есть, а это странно для пришельца, если честно. Меня зови Последний.

– Последний?

– Да, Последний, создатель альтива. Чем-то эта вещица похожа на равновесие – имеет в себе половину негатива и позитива сразу. Можешь представить? Вижу, ты совсем не понимаешь, что такое альтив. У атома есть негативно заряженный электрон и позитивно заряженное ядро. Этот атом можно считать позитивным, или «правильным». Можно создать «неправильный», или негативный атом, в котором электрон будет заряжен позитивно, а ядро негативно. У вас в народе это зовется «темной материей». Ну так вот, все в мире можно разделить на две составляющие – позитив, негатив. Другого ничего нет, выбирать приходится из двух. Чтобы создать электрон, заряженный альтивно, нужно сделать альтивное действие, не поддающееся описанию. Есть у вас в математике знак плюс и знак минус, все остальное – их эволюция. Умножение – эволюция плюса, деление – эволюция минуса. Если между двумя частицами материи будет альтивно заряженное поле, то они не притянутся и не оттолкнутся друг от друга, они продолжают занимать прежнее действие. То есть, по сути, альтив – это бездействие. Но не все так просто, потому что альтив способен действовать на объекты одновременно и позитивно, и негативно. В общем, продолжу свою лекцию, как уйдем отсюда, иначе лейгиды вернутся в большем количестве и вырежут приличный кусок пространства вместе с этим домом, чтобы перенести его куда-то подальше, где появится возможность расправиться со мной.

Мы вышли во двор, пошли к огороду, где я увидел еще одну летающую тарелку, только лежащую на моей картошке, которую я тяжело сажил. Вот блин! Все листики помятые! Картошечка так от нападков колорадских жуков страдала, а тут ее вообще задавили в прямом смысле! По моей щеке потекла слеза – так я любил свою картошечку! Так любил, как пожилой человек, готовящийся стать пенсионером и уделять огороду все время. Мне до пенсии той оставалось каких-то пять лет, а я, вон, на двадцать помолодел! Какая там картошка, вперед с инопланетянами в приключения!

– А лейгиды сплайтр упустили, вот молодцы. Когда же они обнаружат пропажу своего велосипеда? Отныне он наш будет. Залазь, пенсионер, – сказал «парень», и в летающей тарелке появился вход, через который мы зашли вовнутрь.

Этап 2. Спасение (Далее рассказ от третьего лица)

Вдалеке виднелись фонари красивого тихого и засыпающего города. Это создавало картину нашего современного бытия – развития технологического прогресса. Там, где город заканчивался, стоял холм, за которым начинался лес, разворачивающий свои владения, охватывая город. Город был большой, растущий, почти мегаполис. Именно в этом городе жил один довольно таки знаменитый, но потерпевший крах ученый. Его жизнь, возможно, не сложилась, именно поэтому он стал на этот холм. Стал на холм, закрыл глаза, думал о том, что он сделал в этом мире, чего добился и чего у него не получилось.

В жизни Оскара (как звали ученого) были провалы, да и миру он ничего не доказал. Представляете, он собирался получить Нобелевскую премию за свои заслуги, за свою «Новую теорию возникновения мира». Он был поразительным физиком и математиком, изучал такие вещи, о которых обычным людям просто и мечтать даже не приходится. Каждый день он работал над своей теорией, но так ничего не вынес из этого. Единственное, к чему он пришел – это бесконечность. Во всех его формулах и расчетах в конце после равно красовался знак вечности. Бесконечность – отвратительная вещь в математике, и настоящий кошмар для физики. Когда ты приходишь к бесконечности, то эта штука потихоньку начинает изгрызать твой разум и душу, все в мире становится таким серым и мрачным, безразличным, нейтральным... С бесконечностью очень трудно работать, почти невозможно. И наш ученый пришел к этой бесконечности по своей новой теории возникновения мира. Теория его гласила в завершении, что вселенная существовала вечно – то есть не имеет ни начала, ни конца, не рождалась и не умрет, а время состоит только из действий, которые также связаны между собой и переплетаются. Как это можно было объяснить другим людям? Его проект потерпел серьезный крах. Проект, в который он вложил все свои деньги, всю свою душу, проект всей его жизни умер у него на глазах, когда он видел, как директор компании, оплатившей и спонсировавшей эту работу, рвет листы многолетнего труда ученого, над которым тот работал в поте лица. Да, какую физическую выгоду может принести утверждение и истина, что вселенная не родилась от большого взрыва? Разве это накормит кого-то?

Также Оскар терпел «неуважение» со стороны других людей – знакомых и всяких критиков-схоластов, которые не уважали физику, остальные разумные науки, предаваясь своим мечтам, что земля находится в центре мира, а не вращается вокруг солнца. Многие знакомые говорили ученому – «зачем ты вовлекся в это?! Зачем изучаешь эти науки?! Это такие ненужные науки, они просто, не то, чтобы, но, они серые, безжизненные! Зачем изучать это? Живи, как человек, мы все живем так! Бесплезные науки!»

Оскар изучал и дальше, говорил, что это его жизнь. Просто у него в жизни случилось многое, и он постоянно думал насчет бытия и сути мира в целом. Но он не смог вытерпеть давления общества...

...И вот, в конце концов, он стоял на этом холме, обсуждая сам с собой прежнюю жизнь, понимая, что нехорошего в его жизни было больше, чем хорошего, если хорошее вообще было. Говорил сам себе:

– Итак, завершение. Конец в этой бесконечности пришел, он уже близко. Я не хочу быть каким-то долбанутым пенсионером, страдающим от старческого маразма, поэтому... я удаюсь. В конце концов это мой путь, и я сам решаю, что с ним делать.

Оскар подошел ближе к краю холма, где был крутой овраг, сосредоточился на прыжке:

– Вот и пришел конец. Сейчас я прыгну. Блин, это опасно. Нет, я все-таки могу. Надо собраться, тряпка! Соберись, и ты прыгнешь! Боль будет всего полсекунды, а может ее вообще не будет. Закон Ньютона, слава Богу, еще работает, а значит, прыгнув, земля притянет меня к себе, и бабах! Как же не хочется этого делать... Хм... Все, я прыгаю!

– Не прыгнешь, – Послышалось в голове Оскара, как будто сзади.

Ученый резко повернулся назад и увидел перед собой какое-то человекоподобное существо. Все тело этого существа отдавало металлические блики от дальних городских фонарей. На голове его, сзади, было нечто вроде длинного рога правильной формы, напоминающего зуб акулы.

Конечно же Окара охватил шок. Ученый отпрыгнул, и чуть от этого не упал с холма – так бы он отделался естественной смертью. Оскар не знал, что ему делать. А человекоподобное существо, ростом около двух метров, продолжало повторять в его голове:

– Нет, ты не прыгнешь.

– Кто ты?! – так же мысленно спросил ученый, потенциально зная, что обращается к этому существу, ведь их «разговор», по догадкам Оскара, был телепатическим.

– Но если хочешь, посмотри вниз.

Молодой человек, невольно подчиняясь приказу, подошел к краю и увидел внизу на камнях свое разбитое тело.

– Это не я! Это не я! – кричал ученый внутри себя.

– Это не ты. Если не считать меня, ты уже умер, точнее, твое земное существование окончено. Тебя найдут через день, а через четыре похоронят. Для этого мира ты умер.

– Кто ты?! Ангел?

– Ангел? Что это?

Ученый сделал шаг в сторону существа и указал пальцем на звезды.

– Ты пришел оттуда?

– Правильно думаешь. Но откуда пришел ты? А главное, куда? Жизнь – самое ценное, что есть у человека. Почему ты решил лишиться жизни?

Оскар прищурил глаза.

– Скажи, пришелец, космос ведь бесконечный?

– Это твоя теория помогла задать этот вопрос? Посмотри на свою руку. В тебе триллионы галактик. Тебя можно звать единой вселенной.

Оскар был в замешательстве. В нем триллионы галактик? Это как?

– А вот и завершающий элемент твоей теории, Оскар. Кто сказал, что галактики не есть атомами какого-то тела, подобного дереву, или вещества на подобии воздуха? Каждый твой атом, Оскар, каждая молекула – это галактика, в которой все действия происходят очень быстро. Чем меньше тело, тем оно быстрее. Представь, что в твоих атомах за одну секунду рождаются и умирают целые разумные цивилизации, так и не узнав, бесконечна их вселенная, или нет, из-за войн, которые там все устраивают. Любая раса, дорвавшись до распада ядер, может создать удивительное оружие, которое способно ускорять частицы атомов на невероятные скорости. Это называется ядерная бомба.

Тут к холму подлетает тарелка. Догадки ученого оправдываются. Из тарелки выходят Последний вместе с Иоанном и направляются к Оскару с другим пришельцем.

- Ты тоже не оставил одну его душу, Последний?
- А зачем? Так бы мы столкнулись с трудностями в мезопаузе. Вдруг у него родственники есть?
- Нет родственников у него, никто бы за него не схватился.
- Значит, мы пожалели их.
- Я не вижу смысла лишать его физического тела – вот и все, Ханатан. Мы не жалели их, просто оставили тело. В сплайтре у моего не было трудностей с привыканием.
- Тело хрупкое. Лейгиды могут поранить.
- Зато тело удерживает душу, а без тела лейгиды свободно притянут ее к себе и тогда все окажется еще хуже, чем есть.
- Весьма интересный образец твой человек. Надо же, пластичность не потерял.
- Твой тоже, вижу. Но у него сейчас такой бардак в голове! Хотя у него крепкая нервная система, можно и не перестраивать. С учетом того, что он на половину сошел с ума, он примет все происходящее без удивления. Все его знания смешались. Великая удача, Даханатанаханкхен.
- Удача? Я искал подходящего человека и не знаю никакой удачи. Искал и нашел – это плод моей работы, а не случайность.
- Последний подошел ближе к Ханатану.

– Лейгиды сравнивают наш разум с человеческим. Это унижает меня, но я знаю, что они не правы. У нас великая цель, Ханатан. Мы не остановимся.

– Цель твоя, Последний. Я и сейчас не понимаю, зачем ты хочешь сравнить мир с ничто. Точнее, понимаю, но не настолько обширно, как ты. Если наша цель не логична, почему же к ней мы следуем логикой, цепью событий? Почему мы позитивны сами для себя и негативны для лейгидов и остальных цивилизаций?

– Мы альтивны, Ханатан. Мы – и позитив, и негатив вместе. Мы будем держаться этого, и наша цель осуществится. Куда отправляемся, Ханатан?

– В мезосфере этой планеты нас ждут семьсот кораблей лейгидов. Они настроены на уничтожение нас посредством выталкивания из этой галактики. Конечно они не применят вуоль здесь, иначе он дезинтегрирует эту звездную систему с людьми. Это действие выходит за рамки эксперимента лейгидов, а значит, будет не выполнено. Я предлагаю начать поглощать Катулах. Твой сплайтр слишком медленный.

– Из их кораблей он был самым быстрым. Я смог скрыть только его.

– Стой, ты скрыл корабль вместе с лейгидами? Что с ними сейчас?

– Спят. Я скрыл их также и от взора человека. Когда мы будем возле Сатурна, я скину их в космос. Как мы будем поглощать Катулах? Для этого нужен Истмах, Дрода и Флуон.

– Все решим там. Нам еще надо избежать кораблей в мезосфере.

– Значит, это наш последний визит на эту планету? – спросил Последний.

– Скорее всего. А теперь нам надо отправляться за Катулахом. Но перед этим давай все объясним людям, – Ханатан повернулся к Оскару и Иоанну, – слушайте, точнее, осознавайте, потому что, как Оскар давно понял, мы не говорили с вами, а просто передаем вам в мозг импульсы, которые вы воспринимаете, как человеческие слова. С помощью этих импульсов вам очень легко понимать информацию. Мы бы могли с Последним просто создать у вас в голове несколько нейронных связей, но мы не любим слишком сильно ускорять события, как и замедлять их. А механические логические вставки просто бы навредили вашему мозгу. Сейчас мы направляемся к звезде Катулах, чтобы забрать ее – это красный гигант, что Оскару, надеюсь, о чем-то говорит.

Иоанн непонимающе посмотрел на Последнего, сказав:

– Неужели все это время ты говорил со мной телепатически? Понятно, почему я не мог определить, какое звучание у твоего голоса, но меня это совершенно не волновало.

Оскар ответил насчет звезды:

– Нет, это мне ни о чем не говорит. Красный гигант? Забрать? Я знаю, что красный гигант – это старая звезда, в которой почти весь водород преобразовался в гелий и она собирается взрываться. Взрыв такой звезды зовется взрывом сверхновой.

– Отлично, Оскар. Но Катулах – звезда, которой нет равных. Ее размеры чудовищны, ее масса огромна. Катулах не взорвется, он начнет сжиматься, как фантик от конфеты в руках человеческого ребенка и превратится в маленькую точку, размерами не больше этого фантика. Эту точку я намерен забрать.

– Обратное преобразование? Значит Катулах, это нейтронная звезда?

– Почти. Нейтронные звезды обычно имеют голубой цвет. Катулах же красный, как твоя кровь, Иоанн. Несмотря на это, температура поверхности Катулаха очень велика, как у нейтронной звезды.

– Последний, не стоит здесь задерживаться, – оборвал всех Ханатан, – нам нужно спешить!

После этого утверждения все незамедлительно влезли в летающую тарелку и она за две секунды поднялась над атмосферой Земли.

Оскара охватили эмоции, он начал неразборчиво выговаривать маты. Подумать только – за две секунды возле него пролетели облака!

– Отлично, Оскар! Самое время поматериться, ведь перед нами семьсот восемь летающих тарелок, набитых лейгидами, если не ваерами. Это все – создатели людей, Оскар. Создатели тебя, твоих родителей, создатели всех, кто когда либо окружал тебя в жизни. От них будет не просто убежать.

– Да успокойся ты, хватит его пугать. Для нас сбежать от лейгидов – просто. А все делается так: сначала я разгоняю этот сплайтр на световую скорость, потом Последний покидает сплайтр и начинает телепортировать лейгидов, а мы с вами отрываемся. Как тебе план, Последний? Только что его придумал.

– Да-а-а... Творчества никакого, Ханатан. Ни выдумки, ни креатива! Послушай мой план: мы просто разгоняем сплайтр на сверхсветовую скорость, обгоняем этих болванов, несемся к Катулаху, забираем его, и живо к Истмаху.

– Твой план самый творческий, Последний, в этом нет сомнения. Нам даже не нужно скрывать наш сплайтр, да? Не нужно делать его невидимым, да! Пусть так себе летит, да?!

– А что? Нас все равно никто не увидит на световой скорости. Пора!

Из тарелки было видно все, будто она была прозрачная. Последний выплыл на поверхность сплайтра, и стал на нее, как намагниченный. Иоанн посмотрел на него сквозь нечто на подобии металлического стекла и мысленно спросил:

– Посмотри, там внизу еще пять тарелок.

Последний ответил:

– А это уже ваши, человеческие. Людишки их сделали. Лейгиды тут в контакте с властями некоторых стран, вот люди и нафигачили уже тарелок. Только они у них примитивные получились. Не обращай внимания.

Внезапно яркая вспышка осветила ближайшие тарелки – сплайтр с Оскаром за долю секунды набрал скорость, равную световой. Через вторую долю секунды сплайтр полетел на скорости в 24,450,000 км/с, и все это благодаря Последнему, который приложил к этому руку.

Тарелка продолжала набирать скорость.

– Этот сплайтр самый медленный из тех, которые я когда-либо воровал, – негодовал Последний, – поэтому мы только подлетели к первой звезде из созвездия большой медведицы.

– Только подлетели? За две минуты к созвездию большой медведицы?! – Оскар продолжал удивляться, а бледный Иоанн почти потерял сознание от осознания скорости, на которой беззаботно передвигался по млечному пути.

Внезапно возле Последнего пролетел светящийся шарик. Второй шарик, чуть не попавший в тарелку, он поймал в руку.

– А-а-а, технология лейгидов, вот оно что... Они уже не отвяжутся от нас. Придется сражаться. Нужно найти подходящее место.

– Очень внезапно, – утвердил Ханатан. – Как они могут останавливать нас, когда у нас такая важная работа предстоит?

– Не понимаю, – обратился Оскар к Ханатану, – лейгиды что, хотят уничтожить Землю? И зачем им догонять нас?

– Ты, верно, все неверно понял, Оскар. Лейгиды – довольно древняя раса, которая пытается нам помешать, чтобы мы не уничтожили мир.

От такого заявления ученый вошел в ступор.

– Осмелюсь тебе доложить, Оскар, что ты и понятия не имеешь, кто мы такие. Но я скажу коротко о себе. Я – бог. Да-да, я бог, один из последних оставшихся, и имя мне Да-ханатан-а-ханк-хен. Эй, Последний! Нам нужно найти достойное место для сражения – какую-нибудь планету или комету, на которой можно отбиться от них.

– Незачем. Все-таки я решил телепортировать их, исходя из твоего плана.

– Ты хочешь потратить всю энергию, что осталась у нас?

Последний ничего не ответил и выстрелил из руки в тех, кто его догонял. Внезапно между тарелками раздулся большой раскаленный шар, подобный солнцу. Он просуществовал три секунды, и в него попало большое количество тарелок, которые пропали.

– Ханатан, я отправил их в галактику Аубетраттурема. Очень жаль лейгидов, которые находились там.

– Очень жаль? Тебе? Сомневаюсь.

– Не сомневайся, – Последний встряхнул свою голову, поднеся ее к левому плечу и мгновением после скрылся во всепоглощающей космической темноте, оттолкнувшись от поверхности сплайтра.

Иоанн все это время не обращал внимания на то, что происходило за бортом тарелки, а происходило там следующее – за тарелкой Иоанн видел эту же самую тарелку, только секундой ранее, видел, как Последний только спрыгнул с той тарелки прошлого, хотя он спрыгнул восемь секунд назад.

– Это – искажение, которое происходит, когда преодолеваешь световой порог, – объяснял Ханатан, – если тебя это удивляет, то не переживай так сильно. Свет от того, что спереди нас, будет показывать нам ускоренное время объекта, который его испускает, а свет, испускаемый объектом позади нас будет показывать нам, каким был этот объект в прошлом. При таких скоростях полагаться на зрение не имеет смысла, поэтому... но об этом потом. Мы почти ото- рвались. Последний позади нас взрывает оставшиеся сплайтры. Он догонит нас.

Оскар обратил внимание за стеклянную стену и увидел за ней два голых тела, очень похо- жих на человека. Ученый пошатнулся и не поверил своим глазам – почти возле него лежало два лейгида. Это были два биологических существа, у которых были выразительные глаза, большая голова, немного зеленоватая бледная кожа, худые руки и ноги.

– Надо же, прямо такие, как я их себе представлял. Инопланетяне.

– Да какие это тебе инопланетяне? – спросил Ханатан, – лейгиды живут в основном в космосе. Люди давно догадывались, как выглядят их создатели на подсознательном уровне. Люди действительно произошли от обезьян, но не совсем. Дело в том, что лейгиды скрестили особь обезьяны со своей особью. Получился туповатый такой лейгид, или, по-другому, умная обезьяна, короче человек. Чтоб ты знал, дружок, лейгиды создали человечество, проводя небольшой эксперимент, который должен будет показать, за какое время люди обретут весо- мый интеллект, и выяснить, что одолеет – война или мир. По вам они смотрят, насколько их логичный самоизменяющийся ген способен изошряться, чтобы выжить, насколько их сущ- ность может творить. Но есть еще масса причин, для чего вы были созданы. Это все – одно боль- шое уравнение, которое уравнивает себя, познавая себя и таким образом избавляясь от себя.

Ясное дело, что из этих слов Оскар, хоть и был номинирован на Нобелевскую премию, не много понял. И вообще, что значит какая-то там Нобелевская премия для Даханатанаханк- хена, для бога? Что значит Нобелевская премия для космоса? Что значит какой-то листок с парой монет для вселенной?!

Один из лейгидов открыл глаза. Они были полностью голубые, без зрачков, и довольно большие – на третью часть лица. Лейгид резко поднялся и вокруг него образовался какой-то вихрь из плазмы, который его быстро облепил, и он направил руку в сторону Ханатана подобно дулу пистолета.

Ханатан повернул свою голову и лейгид выстрелил пучком плазмы, который врезался в Ханатана. Произошел взрыв. «Бог» не пострадал от этого, спокойно подошел к вставшему и начал с ним телепатически разговаривать. Оскар с Иоанном не знали, к какой стенке в тарелке лучше прижаться от шока, потому что стенок не было, и ученый с заведующим литейного завода обнялись так крепко, как могли, выпучив глаза в сторону происходящего. От лейгида их отделяло шесть с половиной метров, а сама тарелка в диаметре была где-то около двенадцати метров.

– Вот вам и лейгид, – Ханатан пытался телепатически и дальше поддерживать разговор с Оскаром и Иоанном. – Вашему взору предоставляется право узреть настоящего живого ваера, то есть воина из их армии. К счастью, это ваер низкого ранга, убить его – для меня легкое дело.

Руки Ханатана преобразовались в штыки, и он перешел в ближний бой. Хватило двух ударов, чтобы плазменная защита ваера рассеялась. Ханатан быстро вставил свою иглообразную руку ему меж ребер, и тот, очевидно, умер.

– Зачем ты убил его?! – Оскар ничего не понимал.

– Потому что доппель – это источник уничтожения, – Второй ваер открыл зеленые глаза, встал, но вокруг него не образовывался плазменный вихрь.

– Почему ты не используешь свою защиту, ваер? – спросил Даханатанаханкхен.

Вместо ответа из руки лейгида вспыхнул яркий лазерный луч, которым он успел начертить прямую в воздухе. После этого Ханатан мгновенно убил его, но сплайтр начал трещать.

– Он порезал сплайтр, – объявил Ханатан, – скорость будет снижаться. Если этот ваер попал в главный двигатель, бесполезно продолжать полет. Эта тарелка не жидкая, не может изменять форму. Придется скинуть вас в космос, и планы Последнего на ваш счет сотрутся. К сожалению, кислород начал выходить из тарелки через порез, оставленный лейгидом. Я не знаю технологии, которая позволила бы мне поддерживать вашу жизнь вне сплайтра. Вам надо дышать и есть, чего я не могу вам дать. Я знал, что тела людей хрупки, сказал это Последнему, но ему все равно. Да, лейгиды собрались возле Земли, думая, что мы лишили вас тел, захватив ваши души, поэтому среди них было мало ваеров. Лейгиды могут примагничивать души к себе. Но тут оказалось, что ваше физическое тело в полном здравии, чего они не ожидали. Тогда это нам помогло, а сейчас... если ваши тела умрут без воздуха, мы, конечно, оставим ваши души у себя... Но Последний просил меня, чтобы я любой ценой сохранил тела. Я до сих пор не могу понять, почему он так ценит ваши хрупкие человеческие тела.

Из-за сверхсветовой скорости воздух выходил из трещин очень быстро.

– Значит нам конец? – Иоанн непонимающе уставился на Оскара.

– На-а-ам коне-е-ец! – От страха смерти Оскар завопил так, будто час назад не собирался покончить со своей жизнью.

– О, а вот это проявление человеческого страха, – наблюдал за людьми Ханатан, – аморальное поведение вызвано переломом обычного повседневного ведения жизненного образа. Я это говорю тебе, Оскар. Не стоит нервничать.

Даханатанаханкхен поднял руку, и в тарелке завихрился воздух. Кулак существа резко сжался, и тарелка остановилась.

– Приехали. Катулах.

Громадная нейтронная звезда появилась перед всеми спустя минуту бездействия, когда ее свет дошел до тарелки.

– Так-так, что бы с вами сделать? Я не знаю, как устремить кислород в ваши легкие. Я не обладаю способностью Последнего – не могу притянуть атомы, также не умею создавать атомы, как Дрода. Но у меня есть решение – я усыплю вас. Вы впадете в анабиоз на некоторое время.

Не успели Иоанн с Оскаром и глазом моргнуть, как превратились в ледяные статуи. Минутой спустя в тарелке появился Последний. Вокруг заледеневших тел он создал обволакивающий электрический шар, задачей которого было не давать телам как-либо разрушаться. Затем Последний с Ханатаном покинули тарелку, подлетев к Катулаху. На фоне громадной звезды они выглядели микроточками.

– Начинаем.

У каждой звезды имеется множество полюсов, блуждающих по поверхности, из-за чего происходят «извержения протуберанцев». Громадное количество энергии выделялось при таких извержениях. Также у любой звезды есть темные пятна – зоны, где расплавленная поверхность нагрета менее сильно. Такие пятна отдают свою энергию протуберанцам. Но что происходило сейчас? Звезда замерла. Перестала извергать из себя протуберанцы. Темные пятна исчезли. Полюса все до единого пропали. Что же произошло? Вместо прежней активности появилось спокойствие, будто все вокруг замерло...

Катулах начал равномерно уменьшаться. Создавалось впечатление, что звезду снаружи поглощала космическая тьма. Поверхность сверхгиганта потускнела, и чем меньше он становился, тем сильнее чернела его оболочка. Когда размеры его можно было сравнить с размерами Земли, свет изнутри уже не мог проникнуть за оболочку. Последний скомандовал Ханатану держаться на расстоянии, и удерживать преобразование, а сам с помощью взрыва из руки подлетел к Катулаху, чтобы поглотить его.

За одну секунду звезда сжалась до таких размеров, что ее можно было взять в руку, как Последний и поступил. Маленький прозрачный шарообразный комочек пропал в деснице Последнего, когда он загнул пальцы в кулак.

– Все сделано, Ханатан. Энергии этой звезды мне надолго хватит. Осталось поволноваться за тебя и сердце.

– Кому ты отдал сердце в этот раз? Истмаху? – Даханатанаханкхен спросил с агрессией.

– Да. Это плохо?

– В прошлый раз Истмах, воспользовавшись твоим сердцем, попытался убить тебя. Несмотря на это ты доверяешь ему. Я против того, чтобы ты доверял ему сердце.

– Даже с сердцем Агео он не одолел меня в тот раз. Твои опасения бесполезны. Ты должен был только что заботиться о сплайтре. Почему его продырявил ваер? Почему ты заморозил человеческие тела? Я предупреждал, что к ним нужно относиться бережно – они понадобятся нам. Как и лейгиды, я провожу свой независимый эксперимент.

– Лейгиды уж точно никогда не поддержат твою задумку. Ты позволяешь телепортировать их в Ауби без их согласия.

– Аубетраттурем – их дом. Пусть там и находятся, а не вылезают без спроса.

Когда Оскар и Иоанн очнулись, вокруг себя они ничего не видели – сплошная темнота. Но в странном помещении можно было дышать воздухом, что люди делали с упорством, набирая его как можно больше в легкие.

– Вы уже проснулись? – в голове у обоих зазвенел голос Последнего, – приготовьтесь, я включу свет.

Мощный луч нескольких прожекторов впился в глаз Оскара, на минуту ослепив его. Придя в себя он различил очертания огромной пещеры с приколоченными к потолку в форме круга прожекторами. Серо-фиолетовые стены покрывали мутные капельки неизвестной жид-

кости, в составе которой точно был серфур. Пол из металлической плитки, выложенной треугольниками, блестел от сильных источников света. Мрачность пещере придавали не только неровные стены и потолок, но и то, что находилось в ее центре – некое металлическое изваяние неправильной формы, с остриями, вытянутыми сфероидами, кубами, всякими тонкими спицами, плавными переходами, трубами, цилиндрами и кольцами. Было бы глупо утверждать, что это не инопланетная статуя. Только вот зачем создавать такую статую? Или Последний что-то смыслит в искусстве?

А что такое искусство? Это растяжимое понятие. Воображение во всем величии своем – есть проявление отторжения от логики. Ни одна логика не сможет понять настоящего воображения, ведь образы в нем строятся не логично. Кому-то образ может понравиться, кому-то нет, но искусство от этого не исчезнет. По сути, искусство – это все окружающее. Рассмотрим, к примеру, обгрызенную арбузную скибку, валяющуюся в мусорнике. Чем же эта скибка может привлечь? Всем. А все потому, что это искусство. Зубы скульптора придали скибке настолько изящную форму, что сам скульптор не может оценить свое бесконечно прекрасное творение, поэтому и предает его в руки судьбы – мусорного ящика. К сожалению, большинство скульпторов не придают значения скибке из-за высокого разума и маленького воображения. Разве мир – не есть полный хаос, где все действия беспорядочно чередуются, вновь и вновь комбинируясь друг с другом? И тут на поле боя выступает логика, пытающаяся всей сутью своего существования связать как можно больше вещества воедино, противопоставляя свою силу воображению, способному каждое мгновение создавать то, что логика со своей стороны зовет ошибкой. Логика боится ошибок, избегает их всеми способами, пытается стать совершенной. Но совершенного не бывает, а значит, мечты логики еще призрачнее, чем у воображения. Самое интересное, что именно логика объяснила сейчас глубокую суть воображения и свою беспомощность перед ним. Равноправие воображения и логики может оценить тот, кто является связующей нитью этих двух божественных начал.

– Что означает эта скульптура? – спросил Оскар Последнего.

– Ничего, просто так стоит здесь. Это не скульптура вовсе, обычный кусок металла с вырезанными частями. Его создал Дрода.

– Дрода? Кто это?

– Всего нас, допделей, в настоящее время шесть – я, Ханатан, Истмах, Флуон, Дродамах и Юхакрин. Мы – остаток от Божественной цивилизации, которая была уничтожена неизвестным фактором. Если хочешь, называй Флуона Пентаграмматомом, Истмаха Гексаграмматомом, Ханатана Гептаграмматомом, Дроду Оттограмматомом, а меня Нонаграмматомом. В наших именах ровно такое количество знаков (букв). Юхакрина обычно мы зовем Дехимаграмматомом. Каждый из нас выполняет свои функции, и сейчас в основном мы направлены на сотрудничество с лейгидами, так как они являются последними наследниками второй Божественной цивилизации, которая также вымерла вместе с нашей. Наследниками лейгидов будут скорее всего люди, но это в будущем, а пока мы пытаемся высказать лейгидам мою идею о прекращении существования вселенной. Если честно, когда мы были примитивной расой, сами верили в каких-то божеств, не собирались приписать себе нечто божественное. Мы развивались довольно долго – сначала были маленькими бактериями, потом маленькими организмами, рыбами, потом рептилиями – ваша планета сейчас развивается подобно нашей, но наше развитие проходило долго. Лейгиды же позволили вам эволюционировать за двести тысяч лет, что является довольно маленьким промежутком эволюции. Мы эволюционировали четыре миллиона лет, чтобы стать просто разумной расой, которая только научилась взлетать в космос. Мы задумались: есть ли во вселенной кто-то кроме нас, но поиски оказывались тщетными. За тысячу лет наши технологии стали совершенными – мы научились сканировать пространство на гуголы километров, но все равно никого не находили – все планеты были безжизненны, мрачны. Мы пытались найти похожую на нас форму жизни – биологическое существо, у кото-

рого есть одна голова с двумя полушариями, две руки, две ноги. Было не ясно, почему, сканируя космос на такие громадные расстояния, мы никого не обнаруживали, ни одной формы жизни. И тут один из нас предположил, что искать бесполезно – мы единственные.

Продолжительность нашей жизни была в полтора раза больше человеческой, то есть не настолько долго, чтобы научиться всему. Нам пришлось многими смертями заплатить за бессмертие – девять десятых были умерщвлены. После этого наши технологии возрастали в геометрической прогрессии. Мы сканировали еще большее количество звезд, всех небесных тел. Случилось то, что поразило нас – сложив громадную космическую карту скоплений галактик, мы обнаружили, что в половине трехмерной сферической карты галактики находятся на довольно дальних расстояниях друг от друга. Во второй половине галактики были сильнее прижаты друг к другу. Соотношения этих разреженностей мы изучили и пришли к следующему выводу: наши галактики – это частицы какого-то еще большего объекта, точнее, объектов. Получилось так, что мы находимся посередине твердого объекта и газа. Газ был на том месте, где галактики вечно передвигались по вселенной. Сейчас мы находимся в этом «газу», поэтому люди создали Теорию Большого Взрыва, ведь не могли объяснить, почему все галактики отдаляются от Млечного Пути и сами от себя. Возьмем, к примеру, воздух, которым дышишь ты, Оскар. В воздухе атомы передвигаются хаотично, отдаляясь и приближаясь друг к другу. То же дело происходит и с галактиками, но намного медленнее для твоего глаза. Узнав такое обстоятельство, у нас появилась гипотеза, гласящая, что миры повторяются, что мы сразу начали проверять. Мы начали усиливать не телескопы, а микроскопы.

На самых маленьких планах полагаться на свет не было смысла, так как он не способен освещать электроны, протоны, а тем более фотоны и кварки. Мы разрядили альфа-излучение, и выяснили, что существует еще один тип света, освещающий микромир. Этот тип излучения мы начали использовать. В результате мы увеличили все до уровня электрона, и смогли увидеть его. Оказалось, что три кварки в протоне – это три свободных вселенных с облаками галактик. В каждой кварке было облако галактик, где были микроскопические объекты, полностью похожие на звезды и планеты. И тут до нас дошло не только то, что мы не одни во вселенной, но и узнали, кто создал нас, нашу цивилизацию, кто сделал ошибку в системе жизнеоборота, и клетки начали взаимодействовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.